

Copyright © 2018 by International Network Center for
Fundamental and Applied Research
Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 49. Is. 3. pp. 970-979. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.3.970
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Influence of the Imperial Policy of Acculturation on the Formation and Evolution of the Power Elite among the Stavropol Christened Kalmyks (1737–1842)

Stepan V. Dzhundzhuzov ^{a, *}, Sergey V. Lyubichankovskiy ^a

^a Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The imperial policy of acculturation pursued the goal of integrating the alien population into the Russian economic and sociocultural space. In the presented research this process is considered on the example of structuring of the power elite from representatives of the feudal-tribal nobility among the Stavropol christened Kalmyks. It manifested itself both in the formation of the military-bureaucratic status of the Kalmyk managers, and in the imposition of standards for a settled way of life.

The sources for the study were materials from the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow), the Russian State Military Historical Archive (Moscow), the State Archives of the Orenburg Region (Orenburg). Part of the archival materials used in the article were S.V. Dzhundzhuzovym prepared and provided for publication in the thematic collection "Volga Stavropol Kalmyks...". The information contained in them allowed us to build a canvas of historical events, in the context of the development of which the empire defined and improved the methods of its acculturation impact.

The situational approach and the historical comparative method used in the course of the research made it possible to show and compare the changes in the legal position of the feudal-serving nobility of baptized Kalmyks, depending on the political strategy used by the government in a certain period.

In our opinion, the management elite, formed from Christian-dominated owners and *zaisangs*, was used by the empire as a kind of subordinate mechanism in establishing control and management over ordinary Kalmyks. For a little more than a century of the existence of the Stavropol Kalmyk settlement, the attitude of the government to the representatives of the Kalmyk nobility has undergone drastic changes – from elevation and support to total deprivation of all special rights and privileges.

Keywords: acculturation, Power, Empire, Kalmyks, politics, management, elite.

1. Введение

Имперская политика аккультурации, проводившаяся русским правительством в отношении многочисленных представителей инородческого населения, преследовала кардинальную цель их цивилизационной адаптации и интеграции в российское экономическое и социокультурное пространство. Опыт изучения политики аккультурации XVIII – начала XX в. свидетельствует о ее многогранности и широте направлений (Любичанковский, 2017; Dmitriev, Lyubichankovskiy, 2017), причем сценарии решаемых властями задач в разные периоды времени конкретизировались спецификой отношений, складывавшихся между империей и ее акторами на определенной территории (Джунджузов, Любичанковский, 2017; Васильев, Любичанковский, 2018). Российская ориентация кочевых и полукочевых народов достигалась не только методами силового давления. Для империи было важно сформировать «пророссийскую партию» из представителей знати и по мере вхождения инородческого государственно-территориального образования в состав России встраивать его управленческий аппарат в свою систему органов исполнительной власти.

* Corresponding author

E-mail addresses: djund@yandex.ru (S. Dzhundzhuzov)

Как показывает опыт русско-калмыцких отношений первой половины XVIII в., с отдельными группами властной элиты одного этнического образования могли выстраиваться разные по характеру взаимоотношения. Отношениям с ханами и наместниками Калмыцкого ханства придавался официальный дипломатический статус. Согласно выдвинутой В.И. Колесником концепции, ни одно из русско-калмыцких соглашений (шертей) не содержало даже намека на инкорпорирование калмыков в состав Российского государства на условиях подданства. Их обязательства перед Россией ограничивались военной службой. Когда перед калмыками-торгоутами встал выбор адаптироваться к российской цивилизационной системе ценой утраты суверенитета или сохранить его, пожертвовав приволжскими кочевьями, хан Убаши и его окружение выбрали второй путь и в 1771 г. откочевали в Китай (Колесник, 2016).

2. Материалы и методы

Источниками для проведения представленного исследования послужили материалы из фондов Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (Москва, Российская Федерация), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург, Российская Федерация). Часть использованных в статье архивных материалов была подготовлена и предоставлена С.В. Джунджузовым к публикации в тематическом сборнике «Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.». Содержащиеся в них нормативные акты, делопроизводственная документация, текущая и обобщающая статистика позволили выстроить канву исторических событий, в контексте развития которых империя определяла и совершенствовала методы аккультурационного воздействия на ставропольских крещеных калмыков и управлявшую ими феодально-сословную знать.

Применявшиеся в ходе исследования ситуативный подход и историко-сопоставительный метод позволили показать и сопоставить изменения в правовом положении феодально-служилой знати крещеных калмыков в зависимости от политической стратегии, использовавшейся правительством в определенный период.

3. Обсуждение

Властная элита ставропольских крещеных калмыков в контексте влияния на нее имперской политики аккультурации до настоящего времени не являлась объектом специального исследования. Однако в российской историографии разработан достаточно обширный исследовательский материал, характеризующий различные аспекты истории Ставропольского калмыцкого войска. Проблемы административного устройства калмыцкого поселения, участия калмыцких полков в войнах России затрагивались в трудах дореволюционных историков П.И. Рычкова (Рычков, 1887), В.Н. Витевского (Витевский, 1897), Г. Прозрителева (Прозрителев, 1912) и других авторов. Большой вклад в изучение истории участия ставропольских калмыков в пугачевском восстании 1773–1774 гг. внес советский историк Т.И. Беликов (Беликов, 1978). В их работах содержатся сведения о должностных обязанностях и деятельности чиновников Ставропольского войска. Важной источниковедческой и методологической новацией в современных исследованиях по военно-калмыцкой тематике стало использование формулярных списков офицеров Ставропольского калмыцкого полка. На их основе К.М. Максимовым, У.Б. Очировым, А.С. Ряжевым была представлена общая характеристика командного состава полка. В списках указывались сословное происхождение (принадлежность к знати или рядовым), возрастные критерии, наличие боевого опыта и стажа службы на пограничной линии, а также полученные офицером награды (Максимов, Очиров, 2012; Ряжев, 2012). Все эти сведения, представленные в хронологическом порядке, позволяют выявить изменения, происходившие при подборе и расстановке управленческих кадров со времени основания поселения крещеных калмыков и до его упразднения в 1842 г.

4. Результаты

Во второй четверти XVIII в. курс на распространение христианства среди волжских калмыков становится ведущей стратегией, направленной к умиротворению правящей элиты Калмыцкого ханства и установлению над ним российского протектората. Реализация данной стратегии строилась на склонении калмыцких владельцев к принятию христианства. Предполагалось, что их примеру последуют рядовые калмыки. 15 ноября 1724 г. в соборной Троицкой церкви Санкт-Петербурга состоялся обряд крещения внука калмыцкого хана Аюки, Баксадая Доржи. Восприемником калмыцкого владельца был сам император Петр I, по милости которого Баксадая нарекли Петром Петровичем Тайшиным. Тогда же были крещены семь зайсангов, представителей менее родовой знати, из свиты П. Тайшина (Орлова, 2006). Можно сказать, это был первый шаг к формированию привилегированного сословия у крещеных калмыков. Развернутая при улусе П. Тайшина православная миссия иеромонаха Н. Ленкеевича обеспечила численный рост конфессиональной группы крещеных калмыков. По сведениям, собранным Коллегией иностранных дел, к 1736 г. в православие перешли более 5,5 тыс. калмыков (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Книга 140. Л. 13 об.).

Однако сам П. Тайшин оставался далеким от православного вероучения. Смена исповедания им рассматривалась как возможность заручиться поддержкой сильного покровителя в предъявлении

прав на ханский престол. Не получив ее, П. Тайшин заключил союз с двоюродным братом Дондуком Омбо. Братья договорились свергнуть хана Церена Дондука, а само Ханство поделить на две части. В междоусобной войне Россия выступила на стороне законного правителя. П. Тайшин был захвачен в плен у Красного Яра генерал-поручиком И.Ф. Барятинским. После того, как русское правительство в 1735 г. признало Дондука Омбо, пользовавшегося наибольшим авторитетом среди калмыцких владельцев, наместником Калмыцкого ханства, о возвращении П. Тайшина в калмыцкие степи не могло быть и речи. В 1736 г. опальный калмыцкий владелец решил обратиться с покаянным письмом к Анне Иоанновне. Он просил выделить в пределах России территорию для поселения крещеных калмыков, вывести их всех из Калмыцкого ханства и передать под его управление. Предложение П. Тайшина устраивало все заинтересованные стороны. Дондук Омбо освобожден от пользовавшихся русским покровительством и сеявших религиозную рознь нелояльных калмыков. Россия получала людские ресурсы для заселения и хозяйственного освоения малолюдного Самарского Поволжья, а также контингент для усиления охраны пограничных линий. Петр Тайшин восстанавливал владельческое достоинство и получал в управление всех крещеных калмыков, размещенных на обособленной территории. К тому же вследствие прекращения деятельности православной миссии в Калмыцкой степи малосведущие в христианстве крещеные калмыки вновь попадали под влияние буддистского духовенства.

По замыслу правительства поселение крещеных калмыков создавалось как административно-территориальное образование с особым автономным статусом и монархической формой правления. Осуществлению этого плана не помешала даже случившаяся в 1736 г. смерть П. Тайшина. Согласно Высочайшей грамоте, подписанной 20 июня 1737 г., вдова крещеного владельца Петра Тайшина, Анна возводилась в княжеское достоинство, и в ее управление передавались все крещеные калмыки. Грамотой определялся круг лиц, на которых возлагались властные полномочия в поселении крещеных калмыков. Правление основывалось на калмыцких обычаях. Из ближнего круга княгиня Анна выделила четверых зайсангов: Ивана Шору, Кирилла Шарапа, Матвея Бату Менку, Ивана Чидара, выступавших в качестве советников и исполнителей принимаемых ею по их совету решений. За остальными зайсангами сохранялось право на управление принадлежавшими им аймаками. Они обязаны были следить за правопорядком в своих кочевьях, не допускать вражды с другими русскими подданными, а также угонов скота и лошадей из улусов некрещеных калмыков ([Волжские ставропольские калмыки, 2011: 55](#)).

Для надзора за калмыками вводилась должность командира и военного коменданта строившейся для калмыков крепости. Первым исполняющим эту должность был назначен полковник Андрей Иванович Змеев. Удобной и безопасной для поселения калмыков полковник Змеев счел местность внутри Закамской линии, растянувшуюся почти на двести верст в длину по впадавшим в Волгу рекам Сок и Кондурче и на сто верст в ширину – от реки Черемшан до пограничной линии, «где и никакого поселения не имеется. Места удобные, как и для пашни, и для поселения, и для кочевья» ([ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14](#)). Все свои распоряжения калмыцкая княгиня была обязана согласовывать с командиром, правительственные указы и распоряжения получать через начальника Оренбургской экспедиции В.Н. Татищева. Из секретной инструкции, данной полковнику Змееву Кабинетом министров 30 июня 1737 г., следовало, что комендант мог оказывать непосредственное воздействие на назначение и устранение состоявших при княгине Тайшиной советников. «Которой из них явиться к тому не достоин и в делах не искусен, и ежели он, полковник Змеев, о таковом усмотрит, то представлять княгине, и советом своим ею склонить, чтоб такова недостойного другим достойным переменить» ([Волжские ставропольские калмыки, 2011: 62](#)).

Первые калмыцкие поселенцы в числе 2104 человека прибыли к новому месту жительства осенью 1737 г. ([Витевский, 1897: 515](#)). В 1738 г. княгиня Тайшина и зайсанги переселились в построенную для них на берегу Волги, в урочище Кунья Воложка, крепость. По инициативе коменданта крепости А. Змеева ее нарекли Ставрополем, а проживавших в ее округе калмыков стали называть «ставропольскими».

С первых дней поселения в Ставрополе зайсанги становятся объектом целенаправленного аккультурационного воздействия, исходящего от русского правительства. Оно проявлялось как в формировании военно-чиновничьего статуса калмыцких управленцев, так и в навязывании им стандартов оседлого образа жизни.

18 декабря 1737 г. В.Н. Татищевым и начальником Башкирской экспедиции генерал-майором Л.Я. Саймоновым было утверждено закрепленное императорским указом представление полковника Змеева о присвоении казачьих чинов состоявшим при княгине Тайшиной зайсангам. На основе этого указа была сформирована административно-управленческая структура калмыцкого поселения со штатным расписанием и должностными окладами. Ее возглавлял полковник с окладом 50 руб. годового жалованья. Далее шли: войсковой есаул, писарь – по 40 руб., пять ротмистров, из которых три с окладами 30 руб. и два – 25 руб., десять хорунжих – 20 руб., два есаула – 10 руб., два рассыльщика – 7 руб., два толмача – 6 руб. Всего на содержание чиновников предписывалось выдавать из казны 426 рублей ([Волжские ставропольские калмыки, 2011: 72](#)).

Инкорпорации калмыцких чиновников в «мир русской бюрократии», по замыслу А.И. Змеева, должно было способствовать школьное образование. На открытии школы, адаптированной под

воспитание и обучение калмыцких детей, настаивала сама княгиня А. Тайшина и состоявшие при ней зайсанги. Она просила канцлера А. Остермана «для обучения малых ребят» русскому языку и письму прислать трех учителей, которые состояли еще при ее покойном муже (РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–11). Вероятно, забота зайсангов об образовании своих детей была вызвана не только давлением со стороны опекавших их чиновников. Еще в бытность пребывания с П. Тайшиным в Санкт-Петербурге и общения там с чиновниками разного ранга они могли убедиться, что для карьерного роста нужна специальная подготовка, включающая знание русского языка, грамоты, основ православного вероучения и хотя бы элементарных арифметических действий. Осилить этот груз знаний было под силу только юному поколению крещеных калмыков.

Сенатский указ о заведении школы в Ставропольской крепости «для обучения калмыцких детей русскому и калмыцким языкам» был издан 6 июля 1741 г. На ее содержание и обучение десяти калмыцких мальчиков ежегодно выделялось 200 рублей (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Книга 138. Л. 621).

Большое значение распространению грамотности среди калмыцкой знати придавал первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев. По его инициативе к середине 1740-х гг. число учащихся увеличилось с 10-ти до 20–30-ти человек. В школу позволялось принимать только детей владельцев и самых знатных зайсангов. Получение школьного образования губернатор возвел в неперемное условие для поступления на чиновничьи должности: «Из учеников,... которые в иных чинах быть похотят, прежде других производить, чтобы к обучению имели большую охоту» (ПСЗРИ-1, 1825: 309).

Привилегированный статус представителей калмыцкой знати не ограничивался властными полномочиями и должностными окладами. Его материальной основой должно было стать избыточное по сравнению с простолюдинами обеспечение земельными угодьями и другими материальными благами. Хозяйства знатных калмыков должны были стать примером перехода к оседлости и земледелию. Собственно, и само поселение началось с размещения княгини Тайшиной и сопровождавших ее зайсангов в домах, построенных для них в Ставропольской крепости. Указ о наделении ставропольских калмыков земельными наделами последовал 26 февраля 1739 г. В соответствии с содержащимися в нем нормативами предписывалось «производить нарезку земельных участков калмыкам под пашню двадцать четвертей в поле (10 десятин – С.Д., С.Л.), а в двух по тож, санных покосов по сту копен (10 десятин сенокосных угодий – С.Д., С.Л.), гумна и огороды по тридцать сажень, а поперек по пятнадцать» (Витевский, 1897: 515). Зайсангам полагались земельные наделы в двойном размере, а Анне Тайшиной – десятикратный надел пахотной земли и прочих угодий. Если исходить из этих нормативов, то только один участок пахотной земли, без учета земельных нарезок под дворы, гумна, луга и огороды, предоставлявшийся в пользование рядовой калмыцкой семье, составлял 60 четвертей (30 десятин – С.Д., С.Л.). Следовательно, семьям зайсангов нарезалось по 60 десятин пахотной земли (Джунджузов, 2010: 27).

Принятию решения о наделении калмыков земельными наделами предшествовала переписка княгини А. Тайшиной с Коллегией иностранных дел о пожаловании ей и зайсангам деревень с крепостными крестьянами. Свою просьбу калмыцкая правительница мотивировала потерей скота и имущества, разграбленных отставшими от нее в Астрахани некрещеными калмыками. Княгиня считала, что переданные ей во владение русские крестьяне будут обучать калмыков домоводству и возделыванию пашни. Видимо, усвоив за время нахождения в России свойственную казенному ведомству «скудость», А. Тайшина не преминула заметить, что «интересы Ее Императорского Величества тем полезнее будет, нежели чем великим денежным жалованьем их снабжать» (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Книга 136. Л. 314). А.И. Змеев поддержал просьбу княгини, уточнив, что крестьян лучше давать целыми деревнями или дворцовыми или казенными (министерскими). Окончательный вердикт по этому вопросу был вынесен 28 сентября 1738 г. Правительствующим Сенатом: «Оной княгине деревень ныне не давать, понеже калмыки к содержанию деревень незаобыкновенны, и могут оныя привести до разорения, а паче к работам на пашне завсегда их употреблять будут, а сами, надеясь на то, пахать не будут» (Волжские ставропольские калмыки, 2011: 82). В качестве работников и «учителей» сенаторы распорядились направлять на пашенные работы рекрутированных из крестьян гарнизонных солдат: пять в помощь княгине и ее людям и по одному – каждому зайсангу. После уборки хлеба солдаты-работники распускались по домам (Волжские ставропольские калмыки, 2011: 82).

Монархическая по сути форма правления ставропольскими крещеными калмыками после смерти в 1742 г. княгини А. Тайшиной оказалась нежизнеспособной. Дети княгини умерли еще до переезда четы Тайшиных в Россию. Супруги стремились сохранить династию за счет боковых родственных связей. За содействием А. Тайшина обращалась даже к императрице: «Покойный муж мой во время жизни своей просил Ваше Величество, чтоб ему за бездетством усыновить и учинить наследника по себе, внука своего Чиданова сына, который ныне находится у Дондук Омбы, мне к себе взять» (РГАДА. Ф. 819. Оп. 1. Д.6. Л. 6 об.). Просьба эта была исполнена. Петр Торгоутский появился в Ставрополе в 1743 г. В Указе губернатору И.И. Неплюеву из Коллегии иностранных дел от 16 марта 1744 г. о передаче печати и панциря князя Петра Тайшина наместнику Калмыцкого ханства Дондуку Даше Петр действительно указан как ханский внук (Волжские ставропольские калмыки, 2011: 91–92). Петр Торгоутский умер через несколько месяцев после переезда в Ставрополь, так и не успев толком вступить в наследственные права.

Наметившаяся с середины 1730-х годов практика «удаления» из Калмыцкого ханства и принятия христианства знатными калмыками, враждующими с законными правителями, продолжилась в 1740-е годы. Не случайно наибольший прирост калмыков в Ставропольском поселении, превысивший 5 тыс. человек (ГАОО. Ф. 6 Оп. 11. Д. 323. Л. 98), пришелся на 1743–1747 гг. Связан он был с утверждением в 1741 г. на ханском престоле Дондука Даши и последующим поражением выступивших против него сторонников вдовы хана Дондука Омбо, ханши Джан. Сама ханша с детьми была отправлена в Петербург, где 12 декабря 1744 г. прошла обряд крещения под именем Вера. По милости императрицы Елизаветы Петровны она была пожалована княжеским титулом и стала основоположницей княжеской династии Дондуковых (Нефедьев, 1837: 62–64).

Наиболее знатными из поселенных в Ставрополе калмыков были принявшие в 1744 г. христианство братья Петр (Тундут) и Павел (Айша) Торгоутские и крещеный 24 февраля 1745 г. дербетский владделец Никита Дербетев (Чидан). Последний привел с Дона 150 кибиток, поселенных отдельным улусом возле Красноярской крепости. Никита был родным братом Анны Тайшиной. В 1750 г. его сын Иван женился на дочери княгини Дондуковой Любви (Нефедьев, 1837: 64). Династические связи с ханской фамилией имел и Павел Торгоутский: он был женат на вдове хана Черена Дондука Вере Андреевой.

Чтобы избежать распрей между владельцами и зайсангами, правительству приходилось «изобретать» новые административные должности и выделять под них оклады. После смерти Анны Тайшиной высшим должностным лицом оставался полковник Кирилл Шарап с годовым окладом 120 рублей. Далее шли братья Торгоутские. Петр, полный тезка умершего «князя», так как поселился в Ставрополе раньше брата, был назначен судьей с годовым жалованьем в 100 рублей. Под Павла была учреждена должность войскового надзирателя улусов с окладом 80 рублей. Поскольку для Никиты Дербетева штатных должностей не находилось, а принадлежность к владельческому роду дербетов ставила его достоинство на ступень выше всех ставропольских владельцев, Указом из Коллегии иностранных дел от 24 сентября 1744 г., утверждалось его первенство над полковником К. Шарапом. Материальным подтверждением его более привилегированного положения стало жалованье в 150 рублей и передача ему по наследству дома покойной княгини (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2. Л. 257–259).

Сложившаяся модель формирования властной структуры, когда вновь крестившийся знатный владделец мог претендовать на более высокую должность, оттесняя старожилов, была чревата конфликтами и подрывала и без того непрочную систему калмыцкого самоуправления. Ее реформирование последовало после передачи 16 апреля 1744 г. поселения крещеных калмыков в ведение оренбургского губернатора И.И. Неплюева. Им было разработано положение «О правилах содержания и управления Ставропольской крепости и поселенных при оных калмыках», которое после внесения незначительных поправок 15 февраля 1745 г. было законодательно оформлено сенатским указом (ПСЗРИ-1, 1825: 308–328).

«Правилами» задавался принципиально новый вектор развития калмыцкого поселения. Оно получало национально-казачье устройство. С 1756 г. за ним закрепилось официальное название – Ставропольское калмыцкое войско. В связи с обретением калмыками казачьего статуса существенно сокращались феодальные привилегии калмыцкой знати на внеэкономическую эксплуатацию простолюдинов. Рядовые калмыки освобождались от уплаты податей своим бывшим владельцам. За зайсангами и владельцами сохранялось право занимать административные и военно-командные должности. Но, если прежде при назначении на более высокую должность учитывалась знатность происхождения и количество зависимых людей, то теперь во главу ставилась выслуга и заслуги (ПСЗРИ-1, 1825: 315).

В качестве органа административного управления крещеными калмыками в Ставрополе был учрежден Калмыцкий суд. Образцом для его организации послужил действовавший в Калмыцком ханстве суд Зарго. Тяжбы между калмыками регулировались на основе калмыцких правовых обычаев. Предполагалось, что со временем в Калмыцком суде будет внедрена общероссийская правовая практика. Российскую власть в Калмыцком суде представлял ставропольский комендант. Ему вменялось в обязанность следить, чтобы судебные решения не противоречили имперскому законодательству (ПСЗРИ-1, 1825: 311).

В первый состав Калмыцкого суда вошли «градский командир» комендант Останков, первенствующий член, владделец Никита Тайшин (Дербетев), полковник Кирилл Шарап, войсковой судья Петр Торгоутский, войсковой писарь, надзиратель, или управитель улусов Павел Торгоутский, войсковой есаул, войсковой квартирмейстер и войсковой хорунжий. После смерти Н. Тайшина «первенствующие члены» в Калмыцкий суд больше не назначались.

Калмыцкая правовая традиция была учтена и при определении административно-территориального устройства Ставропольского калмыцкого поселения. Оно было разделено на семь рот. Через двадцать лет их число увеличилось до одиннадцати. Название «рота» явилось производным от звания управлявшего ею старшины – ротмистра. Кроме ротмистра, в штат роты входили есаул и хорунжий. За каждой ротой закреплялась ротная территория, на которой размещались входившие в роту улусы.

Употребление термина «улус» в контексте поселения, подвластного представителю феодально-родовой знати, также указывало на этнический характер Калмыцкого войска. В каждом улусе дозволялось иметь не более ста кибиток (семей). Исключение делалось только для владельцев, приведших для крещения большее число калмыков. Как и в Калмыцком ханстве, право на владение улусами распространялось только на калмыков «белой кости» – владельцев и зайсангов. Но в Ставропольском калмыцком войске им скорее отводилась роль казачьих командиров, нежели всевластных феодальных правителей.

На улусных командиров возлагались надзорно-полицейские и административно-хозяйственные обязанности. Они следили за общественным порядком в подведомственном улусе, надзирали за перемещениями улусных калмыков. Их заботам вверялось хозяйственное благосостояние калмыцких семей. Приравнивание ставропольских калмыков к казакам означало возложение на них казацкой воинской повинности, материальные затраты на несение которой полностью ложились на самих калмыков. В этой связи ротные и улусные командиры должны были следить, чтобы «когда и куда не востребуется, в скором времени собраться и во всякой исправности, то есть, чтобы оные люди на добрых лошадях и с надлежащим по их обыкновению ружьем отправлены быть могли» (ПСЗРИ-1, 1825: 312).

«Правилами» регламентировался порядок передачи улуса по наследству. После смерти владельца улус по его воле мог передаваться только прямому наследнику. В случае отсутствия такового представители улусных калмыков могли предложить коменданту передать улус одному из родственников их покойного владельца (ПСЗРИ-1, 1825: 326).

Сообразно властной вертикали выстраивался порядок земельного обеспечения калмыцких чиновников. Согласно Указу 1745 г., величина надела пахотной земли устанавливалась в зависимости от должностного положения его владельца. Войсковому старшине полагалось 100 четвертей, ротным старшинам – по 80, зайсангам – по 40, а рядовым калмыкам – по 20 четвертей пахотной земли (Шовунов, 1992: 55). Причем в отличие от зайсангов рядовым калмыкам земельные угодья с 1749 г. отводились не по семейно, а на улус в целом и, естественно, могли перераспределяться.

Начавшиеся по инициативе И.И. Неплюева преобразования оказали непосредственное влияние на сферу общественных отношений. 19 мая 1746 г. оренбургский губернатор представил Правительствующему Сенату доклад, в котором с удовлетворением отметил, что калмыки одобрили введенный у них порядок управления. Рядовые калмыки уже вполне осознали, что власть знати над ними ограничена законом. С жалобами на зайсангов и чиновников они обращаются к коменданту или непосредственно в Калмыцкий суд. В свою очередь, знатные калмыки начали осознавать прямую зависимость их благополучия от продвижения по служебной лестнице (РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Книга 150. Л. 124–124 об.). Безусловно, губернатор преувеличивал достижения своей администрации в деле аккультурации калмыков. О злоупотреблениях войсковых чиновников свидетельствовал в 1747 г. протопоп А. Чубовский (Шовунов, 1992: 137). Да и сам И.И. Неплюев «закрывал глаза» на незаконные поборы улусных командиров с рядовых калмыков: «Ибо, ежели у владельцев сию власть отрешить, то опасно, чтобы (калмыки – С.Д., С.Л.) не развратились, а к тому ж и всем тем чиновным их людям без такой корысти определенным жалованьем содержаться не возможно» (ПСЗРИ-1, 1825: 311). Через двадцать лет, 10 октября 1768 г., в обращении к исполнявшему обязанности оренбургского военного губернатора Н.Я. Ланову зайсанги вновь подняли вопрос о своем праве на покупку русских крестьян. Необходимость дарования им помещичьих прав зайсанги мотивировали тем, что «с восприятия христианской веры... как уже служилые люди всеми услугами и податями, каковыми, будучи в Орде исполняли, от них владельцы и зайсанги уже не получают. А по природе их владельца, зайсанга, для домашних услуг без таковых людей, которые черную работу исполняли, обойтись не могут. И хотя ныне с нуждой исправляются наймом крещеных же калмык за немалую плату и большими себе убытками и при том без пользы, ибо они калмыки такой работы исправлять и земледелия производить как российские крестьяне еще не обвыкли» (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 172. Л. 165–165об.).

До восстания Е. Пугачева знатность происхождения строго учитывалась при назначении на вакантные должности в Калмыцком суде и в ротах. Предпочтение отдавалось Дербетевым и Торгоутским. Как свидетельствуют формулярные списки, службу они несли пожизненно. До своей кончины 1 ноября 1752 г. должность войскового судьи исполнял Петр Торгоутский (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 1. Л. 1). Его брат Павел «за показанную во время башкирского замешания службу и при армии в прошедшую с прусаками кампанию и на линии» 28 апреля 1759 г. был произведен в войсковые полковники (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 7. Л. 114 об.). В этой должности он успел прослужить два года. Заслуги и владельческое происхождение отца позволили его вдове В. Андреевой добиться разрешения на зачисление на войсковые должности малолетних сыновей. 15-летний Яков 18 мая 1761 г. был определен в чин войскового ротмистра. В Указе из Оренбургской губернской канцелярии решение о назначении знатного недоросля обосновывалось следующими аргументами: «за службы отца ево и за прилежность во обучении российской грамоты, дабы де он наипаче ко услугам [был], также и прочия, на то смотря, к тому же побуждены быть могли, в ротмистры произвесть можно». Младший, Иван, тогда же был направлен на обучение в войсковую школу, а в 1768 г., в 16-летнем возрасте, получил разрешение на производство в хорунжие (Волжские ставропольские калмыки, 2011: 244, 246).

Успешную служебную карьеру в Ставропольском калмыцком войске сделал старший сын Никиты Дербетева, Иван Большой Дербетев. На службу он поступил в мае 1745 г., за двадцать лет прошел путь от ротмистра до высшей войсковой должности – полковника. Неоднократно командировался на пограничные линии «для содержания форпостов». В формуляре на производство в войсковые судьи были указаны следующие его достоинства: «в должности звания своего прилежен... Подчиненных своих содержит порядочно и к сему тщание имеет. Лениности ради больным не притворяется и во всем себя ведет так, как исправному старшине надлежит. И как по чину своему опрятен, так и никаких не порядков от него не происходит, и к повышению достоин» (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 279–280).

В конце 1750-х годов на Среднюю Волгу переселилась последняя крупная партия калмыков. Это были бежавшие из Китая и принявшие христианство джунгарские, или, как их называли в России, зюнгорские калмыки. По неполным данным в 1757–1759 гг. к волжским крещеным калмыкам присоединилось 2013 джунгаров. Они были распределены по улусам в трех новых ротах (РГВИА. Ф. 13. Оп. 1. Связка 102. Д. 11. Л. 194). В Калмыцком суде для их представительства была утверждена сверхштатная должность второго хорунжего.

Политика аккультурации калмыцкой знати, направленная на ограничение ее былых феодальных привилегий, давала повод для скрытого, а под влиянием пугачевского восстания, и открытого проявления недовольства. По подсчетам Т.И. Беликова, из 45 лиц начальствующего состава на сторону Е.И. Пугачева перешли 40 человек. Около половины из них примкнули к восставшим в сентябре–октябре 1773 г., когда восстание еще только начиналось. За ними пошли практически все рядовые калмыки, застигнутые на охваченной восстанием войсковой территории (Беликов, 1978: 15–16). Сподвижниками Пугачева и предводителями мятежных калмыков стали войсковой квартирмейстер Федор Иванович Дербетев, надзиратель улусов Лавр Торгоутский и другие представители феодально-служилой знати.

После подавления восстания и восстановления порядка в калмыцком поселении произошла заметная демократизация в войсковом командном составе. На высшие должности были назначены войсковые чиновники, не примкнувшие к Пугачеву. Войсковым полковником стал Федор Иванович Болоткоев, войсковым судьей – Федор Анамба. У обоих в послужных списках имеется указание, что в 1773–1774 гг. находились в осажденном пугачевскими повстанцами Оренбурге (ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 195. Л. 15; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 205. Ч.13. Л. 35).

В 1780-е годы заметные позиции в войсковой администрации начинают занимать рядовые калмыки (таблица 1). Из приведенной ниже таблицы следует, что их численность достигала почти 37 % от общего состава войсковых чиновников. Причем, если в Калмыцком суде, переименованном в Войсковую канцелярию, по-прежнему заседали представители феодально-служилой знати, то уже вакансии канцелярских служащих – толмачей, писцов, сторожей – полностью были укомплектованы выходцами из простолюдинов. Из 33 ротных старшин 12 в графе «происхождение» имели помету «из рядовых калмыков», в их числе 3 ротмистра, 6 есаулов и 3 хорунжих.

Таблица 1. Социальная принадлежность чиновников Ставропольского войска (сентябрь 1781 г.) (РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 205. ч. 13. Л. 39–45)

Служебная принадлежность	Старшины и зайсанги		Из рядовых калмыков
	из волжских калмыков	из джунгарских калмыков	
войсковых старшин	5	3	-
канцелярских служащих	-	-	5
ротных старшин	15	6	12
Всего	20	9	17

Процесс нивелирования феодально-сословных прав знатных калмыков усилился в первые десятилетия XIX в. Принятое 2 ноября 1803 г. положение «Об устройстве Ставропольского калмыцкого войска» уже не содержало обязательного требования выдвигать на командные должности только представителей калмыцкой знати. Оно лишь ограничивалось рекомендацией отдавать предпочтение тем, «кои свой род ведут от зайсангов» (Волжские ставропольские калмыки, 2012: 54). В 1820–1830-е годы пресекаются родословные самых знатных в Калмыцком войске фамилий – Дербетевых, Торгоутских, Барышевских, Болоткоевых, Баглионовых. В докладе полковника Н.А. Мансурова, представленного в 1835 г. по итогам ревизии Ставропольского калмыцкого войска, отмечалось, что образ жизни семей владельцев и зайсангов ничем не отличается от образа жизни рядовых калмыков. Представители знатных фамилий перестали пользоваться авторитетом. Обыденным явлением стало заключение браков между членами семей разного сословного статуса.

Окончательная потеря сословных привилегий отпрысками феодально-родовой калмыцкой знати произошла в 1842 г., когда, согласно Указу Николая I, ставропольские калмыки влились в состав Оренбургского казачьего войска и переселились в Оренбургскую губернию.

5. Заключение

Таким образом, имперская политика аккультурации, преследовавшая цель обеспечения лояльности инородческого населения посредством инкорпорации представителей феодальной знати в систему военно-административного управления фронтными территориями, не оставалась неизменной. Правящая элита поселенных на Средней Волге крещеных калмыков формировалась из принимавших христианство владельцев и зайсангов. Как показывает проведенное нами исследование, для империи она служила придаточным механизмом в деле установления контроля и управления над рядовыми калмыками. За чуть более чем вековую историю существования Ставропольского калмыцкого поселения отношение правительства к представителям калмыцкой знати претерпело кардинальные изменения – от возвышения и поддержки до полного лишения всех особых прав и привилегий.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете.

Литература

- Беликов, 1978** – Беликов Т.И. Ф.И. Дербетев – сподвижник Е.И. Пугачева. Элиста, 1978.
- Васильев, Любичанковский, 2018** – Васильев Д.В., Любичанковский С.В. Казахи и русские: бытовая аккультурация в XIX в. // *Вопросы истории*. 2018. № 3. С.151–165.
- Витевский, 1897** – Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 2. Казань, 1897.
- Волжские ставропольские калмыки, 2011** – Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. Т. 1. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII вв. / Отв. ред. А.С. Ряжев. Ростов-на-Дону, 2011.
- Волжские ставропольские калмыки, 2012** – Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в. Документы и материалы: в 4 т. Т. 3. Ставропольское калмыцкое войско в середине 30-х – 60-е гг. XVIII вв. / Глав. ред. А.С. Ряжев. Элиста, 2012.
- ГАОО** – Государственный архив Оренбургской области.
- Джунджузов, 2010** – Джунджузов С.В. Наделение земель и землепользование казаков Ставропольского калмыцкого войска (середина XVIII века) // *Новый исторический вестник*. 2010. № 4 (26). С. 29–45.
- Джунджузов, Любичанковский, 2017** – Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы) // *Новый исторический вестник*. 2017. № 3. С.172–191.
- Колесник, 2016** – Колесник О.В. Ошибка хана Убаши // *Вестник Калмыцкого университета*. 2016. № 1 (29). С. 11–20.
- Любичанковский, 2017** – Любичанковский С.В. Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2017. № 50. С. 31–37.
- Максимов, Очиров, 2012** – Максимов А.Н., Очиров У.Б. Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста, 2012.
- Нефедьев, 1837** – Нефедьев Н. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте Н. Нефедьевым. СПб., 1837.
- Орлова, 2006** – Орлова К.В. История христианизации калмыков: середина XVII – начало XX в. М., 2006.
- Прозрителев, 1912** – *Прозрителев Г.* Военное прошлое наших калмык. Ставрополь:, 1912.
- ПСЗРИ-1, 1825** – Полное собрание законов Российской империи. Издание 1. Т. XII. № 9110. СПб., 1825.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Рычков, 1887** – Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.
- Ряжев, 2012** – Ряжев А.С. Командный состав Ставропольского калмыцкого войска в военной и вероисповедальной политике государства: от семилетней войны до эпохи 1812 г. // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2012. № 2. С. 27–32.
- Шовунов, 1992** – Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества. Элиста, 1992.
- Dmitriev, Lyubichankovskiy, 2017** – Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V. The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century) // *Bylye Gody*, 2017, Vol. 45, Is. 4. pp. 1010-1024.

References

- Belikov, 1978** – *Belikov T.I.* (1978). F.I. Derbetev – spodvizhnik E.I. Pugacheva [F.I. Derebetev – a Companion of E.I. Pugachev]. Elista. [in Russian]
- Vasilev, Lyubichankovskiy, 2018** – *Vasilev D.V., Lyubichankovskiy S.V.* (2018). Kazahi i russkie: bytovaya akkulturiaciya v XIX v. [Kazakhs and Russians: Domestic Acculturation in 19th century]. *Voprosy Istorii*. №3. pp. 151-165. [in Russian]
- Vitevskij, 1897** – *Vitevskij V.N.* (1897). I.I. Neplyuev i Orenburgskij kraj v prezhnem ego sostave do 1758 g. [I.I. Nepluev and Orenburg Region in its Former Composition up to 1758]. Vol. 2. Kazan. [in Russian]
- Volzhskie Stavropolskie kalmyki, 2011** – Volzhskie Stavropolskie kalmyki: seredina 30-x gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy [The Volga Stavropol Kalmyks: from the mid-1730s through the First Half of the 19th Century. Documents and materials]: v 4 t. T. 1. Stavropolskoe kalmyckoe vojsko v seredine 30-x – 60-e gg. XVIII vv. Otv. red. A.S. Ryazhev. Rostov-na-Donu. [in Russian]
- Volzhskie Stavropolskie kalmyki, 2012** – Volzhskie Stavropolskie kalmyki: seredina 30-x gg. XVIII v. – pervaya polovina XIX v. Dokumenty i materialy [The Volga Stavropol Kalmyks: From the mid-1730s through the first half of the 19th century. Documents and materials]: v 4 t. T. 3. Stavropolskoe kalmyckoe vojsko v seredine 30-x – 60-e gg. XVIII vv.. Glav. red. A.S. Ryazhev. Elista. [in Russian]
- GAOO** – Gosudarstvennyj arhiv Orenburgskoj oblasti [State Archive of Orenburg Region].
- Dzhundzhuzov, 2010** – *Dzhundzhuzov S.V.* (2010). Nadelenie zemlej i zemlepolzovanie kazakov Stavropolskogo kalmyczkogo vojska (seredina XVIII veka) [Land Allotment and Land Use of Cossacks of the Stavropol Kalmyk Troops (mid-18th century)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. № 4(26). pp. 29-45. [in Russian]
- Dzhundzhuzov, Lyubichankovskiy, 2017** – *Dzhundzhuzov S.V., Lyubichankovskiy S.V.* (2017). Missionerskaya deyatelnost Nikodima Lenkeevicha v Kalmyckom hanstve (1725-1734 gody) [Missionary Activity of Nikodim Lenkeevich in the Kalmyk Khanate (1725-1734)]. *Novyj istoricheskij vestnik*. №3. pp. 172-191. [in Russian]
- Kolesnik, 2016** – *Kolesnik O.V.* (2016). Oshibka hana Ubashi [The Error of Khan Ubashi]. *Vestnik Kalmyckogo universiteta*. №1 (29). pp. 11-20. [in Russian]
- Lyubichankovskiy, 2017** – *Lyubichankovskiy S.V.* (2017). Politika akkulturiacii v usloviyah razrusheniya imperii: kazus volostnogo zemstva [The Policy of Acculturation in the Conditions of the Empire Destruction: the Casus of Cantonal Zemstvo]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. №50. pp. 31-37. [in Russian]
- Maksimov, Ochirov, 2012** – *Maksimov A.N., Ochirov U.B.* (2012). Kalmyki v napoleonovskih vojnah [Kalmyks in Wars with Napoleon]. Elista. [in Russian]
- Nefedev, 1837** – *Nefedev N.* (1837). Podrobnye svedeniya o volzhskih kalmykah, sobrannye na meste N. Nefedevym [Detailed Information About Volga Kalmyks: a Meeting at the Place by N. Nefedev]. SPb. [in Russian]
- Orlova, 2006** – *Orlova K.V.* (2006). Istoriya hristianizacii kalmykov: seredina XVII – nachalo XX v. [The history of Kalmyks' Christianization: the middle of the 17th – the beginning of the 20th century]. Moscow. [in Russian]
- Prozritelev, 1912** – *Prozritelev G.* (1912). Voennoe proshloe nashih kalmyk [The Military Past of Our Kalmyks]. Stavropol. [in Russian]
- PSZRI-1, 1825** – Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii [Complete Collection of laws of the Russian Empire]. Ed. 1. Vol. XII. №9110. SPb. [in Russian]
- RGADA** – Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGVIA** – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].
- Rychkov, 1887** – *Rychkov P.I.* (1887). Topografiya Orenburgskoj gubernii [Topography of Orenburg Province]. Orenburg. [in Russian]
- Ryazhev, 2012** – *Ryazhev A.S.* (2012). Komandnyj sostav Stavropolskogo kalmyckogo vojska v voennoj i veroispovedalnoj politike gosudarstva: ot semiletnej vojny do epohi 1812 g. [Command Structure of Stavropol Kalmyk Troops in the Military and Religious Policy of the State: from the Seven-Year War to the Epoch of 1812]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN*. №2. pp. 27-32. [in Russian]
- Shovunov, 1992** – *Shovunov K.P.* (1992). Kalmyki v sostave rossijskogo kazachestva [Kalmyks among Russian Cossacks]. Elista. [in Russian]
- Dmitriev, Lyubichankovskiy, 2017** – *Dmitriev V.V., Lyubichankovskiy S.V.* (2017). The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of 18th – the beginning of the 20th century). *Bylye Gody*. Vol. 45. Is. 4. pp. 1010-1024.

Влияние имперской политики аккультурации на формирование и эволюцию властной элиты у ставропольских крещеных калмыков (1737–1842 гг.)Степан Викторович Джунджузов^{a,*}, Сергей Валентинович Любичанковский^a^a Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Имперская политика аккультурации преследовала цель интеграции инородческого населения в российское экономическое и социокультурное пространство. В представленном исследовании данный процесс рассматривается на примере структурирования властной элиты из представителей феодально-родовой знати у ставропольских крещеных калмыков. Он проявлялся как в формировании военно-чиновничьего статуса калмыцких управленцев, так и в навязывании им стандартов оседлого образа жизни.

Источниками для проведения исследования послужили материалы из фондов Российского государственного архива древних актов (Москва), Российского государственного военно-исторического архива (Москва), Государственного архива Оренбургской области (Оренбург). Часть использованных в статье архивных материалов была подготовлена и предоставлена к публикации С.В. Джунджузовым в тематическом сборнике «Волжские ставропольские калмыки: середина 30-х гг. XVIII в. – первая половина XIX в.». Содержащаяся в них информация позволила выстроить канву исторических событий, в контексте развития которых империя определяла и совершенствовала методы своего аккультурационного воздействия.

Применявшиеся в ходе исследования ситуативный подход и историко-сопоставительный метод позволили показать и сопоставить изменения в правовом положении феодально-служилой знати крещеных калмыков в зависимости от политической стратегии, использовавшейся правительством в определенный период.

По мнению авторов, управленческая элита, формировавшаяся из принимавших христианство владельцев и зайсангов, использовалась империей в качестве своеобразного придаточного механизма в деле установления контроля и управления над рядовыми калмыками. За чуть более чем вековую историю существования Ставропольского калмыцкого поселения отношение правительства к представителям калмыцкой знати претерпело кардинальные изменения – от возвышения и поддержки до полного лишения всех особых прав и привилегий.

Ключевые слова: аккультурация, власть, империя, калмыки, политика, управление, элита.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: djund@yandex.ru (С.В. Джунджузов)